

ИЗВЕСТИЯ - 1991 - 7 авг. - с. 6

Энтони Куин: «Всю жизнь я шел к роли Толстого...»

— Отпущу бороду и длинные волосы, наложу себе нос картошкой, подрежу ресницы, чтобы лучше были видны мои глаза, — и я готов для съемок, готов к роли Льва Толстого...

С Энтони Куином на моих глазах происходит поразительная метаморфоза. Я вижу, как знаменитый американский актер обретает черты великого классика.

— У меня есть отличный сценарий о последнем годе жизни автора «Войны и мира», написанный на основе книги американского писателя Дж. Парини, — говорит он. — Достигнута договоренность с русскими властями о съемках. Мне осталось найти режиссера и актеров на другие роли и прежде всего Софьи Андреевны, а также американскую кинопрокатную фирму. Я надеюсь начать съемки этой осенью.

Энтони Куин приехал во Францию, чтобы представить свой

последний (кажется, 271-й) фильм — «Реванш», поработать над своими скульптурами и провести переговоры с парижским телевидением о съемках еще одной картины — «Бык и голубка», посвященной Пабло Пикассо. Из Парижа он собирается вылететь в Москву.

— Я хочу посмотреть, какие есть возможности для съемок в поместье писателя в Ясной Поляне, на маленькой железнодорожной станции, где он умер. В качестве постановщика я думаю пригласить Андрея Кончаловского или Никиту Михалкова. Роль Софьи Андреевны должна исполнять русская актриса. Это одна из труднейших и одновременно лучших в мире ролей, и я сравнил бы ее по драматизму с ролью леди Макбет. Нужна, конечно, и русская музыка.

Но главное — режиссер и вся группа должны понимать личность Толстого, его философию. ...Мы беседуем с Энтони Куи-

ном в литейной мастерской «Эрэндор», расположенной в живописной долине реки Шверёз километрах в двадцати от Парижа. Это крупнейшая в мире мастерская — настоящая фабрика художественного литья, которая принадлежит моему старому знакомому, художнику и скульптору Леонардо Бенатову, родители которого — армяне, выходцы из России. Здесь отливались работы Родена, Пикассо, Бурделя, Майоля, Дали, Шемякина и, наконец, самого Энтони Куина.

— Мой фильм будет рассказывать об истории конфликта Толстого, который был очень религиозным и одновременно чувственным человеком, с самим собой, с семьей, с философскими принципами.

— Всю жизнь я шел к этой картине, — говорит 76-летний актер, — к этой роли одного из величайших творцов человечества, который, однако, сам не всегда понимал искусство —

считал плохими пьесы Шекспира и Чехова. Почему он важен для нас сегодня? Толстой был великим мыслителем, человеком выдающейся творческой энергии. Мне близка его философия.

Впервые Энтони Куин прочитал Толстого — «Войну и мир» — в начале 30-х годов. Тогда он учился в театральной школе Лос-Анджелеса у Михаила Чехова, которого считает «учителем гениальным». Ставший впоследствии голливудской звездой, дважды удостоенный Оскара, Энтони Куин, по его словам, вырос на русской культуре. Он дружил в Лос-Анджелесе с детьми Шалыпина — Борисом и Федором. Актер рассказал мне, что он в молодые годы очень бедствовал и однажды, чтобы получить обед, решил спеть в русском клубе в Лос-Анджелесе. Среди гостей оказался Федор Шалыпин. «Ты поешь ужасно, — сказал он будущему актеру, — никогда больше не пой, но садись со мной, вместе пообедаем!»

Энтони Куин хотел бы во время работы над фильмом устроить выставку своих последних скульптур в России. Он стал скульптором до того, как начал сниматься в кино, — в десятилетнем возрасте вылепил бюст Линкольна, который завоевал первый приз и был выставлен в Лос-Анджелесском музее изобразительных искусств.

— Я был бы лжецом, — говорит он, — если бы отрицал влияние Пикассо на мое творчество, равно как в кино влияние Гарри Купера и Джона Уэйна, но вместе с тем и в скульптуре я пытаюсь найти свои пути, свое видение окружающего мира. Последние десятилетия публика научилась по-новому смотреть на современную живопись и искусство в целом, а я помню время, когда Пикассо и Ван Гог в глазах большинства были клоунами, а современных живописцев звали «фовистами» — дикими.

— Еще в начале века, — говорит Энтони Куин, — в искусстве произошла революция, в результате которой изменилась сама эстетика: и в живописи, и в скульптуре исключительную роль стала играть форма. Но кто же в конце концов прав? Каждый раз, когда с морского дна достают древнегреческую скульптуру, мы понимаем, что Пикассо — не больше чем подмастерье по сравнению с творцами прошлого.

— Как бы там ни было, — говорит мне на прощание Энтони Куин, — я знаю твердо — всегда прав Толстой.

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известия».

ПАРИЖ.

Фото «Гамма».